

Санкт-Петербургская православная духовная академия

Архив журнала «Христианское чтение»

Л.А. Герд

Неизданное письмо В.В. Болотова
И.С. Пальмову

Опубликовано:

Христианское чтение. 2000. № 19. С. 39-81

© Сканирование и создание электронного варианта:

Санкт-Петербургская православная духовная академия (www.spbda.ru),

2013. Материал распространяется на основе некоммерческой лицензии

Creative Commons 3.0 с указанием авторства без возможности изменений.

Издательство СПбДА

Санкт-Петербург

2013

НЕИЗДАННОЕ ПИСЬМО
В. В. БОЛОТОВА И С. ПАЛЬМОВУ

5 (18) апреля 2000 года исполняется 100 лет со дня кончины профессора В. В. Болотова (1854–1900) — ученого, имя которого стало символом не только в стенах Санкт-Петербургской Духовной Академии, но и во всем ученом мире конца XIX в. Современники упоминали его с эпитетами «феноменальный», «исключительный», «гениальный»; идеальным ученым называл Болотова его преемник по кафедре истории Древней Церкви А. И. Бриллиантов.¹ Действительно, биография Василия Васильевича поражает каждого, кто знакомится с ней впервые. Сын бедного псаломщика из города Осташкова, потерявший отца еще до своего рождения, Болотов воспитывался на казенный счет сначала в Осташковском духовном училище, затем в Тверской семинарии, которую окончил с особой специально для него изобретенной оценкой «выше первого». В 1875 г. он поступил в Санкт-Петербургскую Духовную Академию, по окончании которой в 1879 г. защитил магистерскую диссертацию «Учение Оригена о Св. Троице» и открыл курс лекций по истории Древней Церкви. Эта кафедра, прежде занимаемая проф. И. В. Чельцовым, в течение полутора лет оставалась никем не замещенной, т. к. было решено дожидаться окончания курса Болотовым. Василий Васильевич был талантливым лектором, но, пожалуй, большую известность он приобрел как ученый. Уникальный знаток не только европейских, но и целого ряда восточных языков, он в совершенстве владел методами точных наук — тригонометрии, астрономии, высшей математики. Применение этих знаний в области церковной истории обусловили специфику научных работ Болотова: каждая из его статей является своеобразным шедевром. С 1884 г. он принял решение не писать обобщающих и публицистических трудов; поэтому все его работы, вы-

шедшие после этого года, являются научными открытиями. Настоящих ценителей таланта Болотова было немного даже в среде его высокообразованных современников. Все преклонялись перед ним, но мало кто мог со знанием дела читать его статьи. По словам самого ученого, он писал для «аристократии мысли».²

Переписка Василия Васильевича менее известна, чем его печатные труды. Часть ее была опубликована в первые годы после кончины ученого, а основная масса и поныне остается в архивах.³ Между тем целый ряд писем Болотова представляет собой отдельные, самостоятельные научные трактаты. Лишь немногие из его писем дают представление о более общих взглядах ученого на богословие, историю, философию и на жизнь в ее частных проявлениях. В этом отношении особый интерес представляет публикуемое здесь письмо из архива его ближайшего коллеги и личного друга Ивана Саввича Пальмова.⁴ Пальмов был среди тех, кто присутствовал при его последних часах.⁵ О том, как тяжело переносил он безвременную кончину своего друга, свидетельствует его письмо к А. И. Бриллиантову от 12 апреля 1900 г. (ОР РНБ. Ф. 102. Оп. 1. Д. 263. Лл. 1–2) «Не смущайтесь, что во дни Светлого Праздника начинаю свое письмо с скорбной новости: не стало нашего дорогого, незабвенного <...> Василия Васильевича! <...> Доселе я не могу прийти в себя от ниспосланного на нас удара. Писем, признаюсь, никому не писал. Первое письмо, после слез и горя, пишу Вам и для этого имею серьезные основания. Приходится замещать кафедру общей церковной истории. Я переговорил со многими членами Академического Совета, и все единогласно остановились на Вас — как на единственном желательном преемнике В. В-ча <...> Более писать я пока не в силах, ибо душа моя еще не оправилась от нанесенного ей удара».

Большая часть переписки Болотова с Пальмовым периода 1881–1884 гг. Не сохранилась. В настоящем письме, датированном 24 февраля/8 марта [1882 г.], выражено все жизненное и научное *sic* Василия Васильевича — его взгляды на научную

тавать копии, не быв там лично, то, конечно, Вы сделали бы для Ивана Егоровича весьма приятный сюрприз, доставив ему их раньше второго года.

Итак, вся серьезная помянувшие, на предняя возвратимся. Дозде Львов, отселе Lemberg.

Когда получил я Ваше варшавское письмо, то хотел было благим матом завопить: «Ондрий! с тобой баба! /л. 2 эй, не доведут до добра бабы», да *sacra pigritia* [лат. священная лень] помешала. А зареветь бы непременно следовало. Бабий шлейф (будь он сшит хоть из допотопного пергамента с Keilinschrift'ами [нем. клинописью], да еще на первом же этапе, поистине *res ominosa* [лат. дурное предзнаменование]. И верно. За бес-толковую (с почтенными, впрочем, исключениями) Варшавою для Вас последовал черт знает какой Лемберг. Какая-то болтовня приятного с самым бесполезным. Что Вы там ни говорите насчет Высокого научного значения Ваших лембергских знакомств — *par parenthese* [франц. в скобках]: Делькевич — *Professor der Kirchengeschichte?* [нем. профессор церковной истории] — но единого на потребу пока не вижу. Насчет Ваших *Suchen und Finden* [нем. поисков и находок] Вы благоволите держать нас с Михаилом Саввичем «в неведенье счастливом», и после потемок чистого «*Ich vermisse*» [нем. я ощущаю недостаток, мне не хватает], в какие меня повергали Ваши письма, я возликовал не на шутку, услышав речь Ивана Егоровича о каких-то документах. Наконец-то документы!! А то «много шуму, много звуков» и — сумбур. Вместо непорочной архивной пыли (о которой Вы упомянули только вскользь) /л. 2 об. — благоухание гостиных; вместо гробового молчания архивов — бестолковый гвай оваций; вместо фолиантов, «плесенью аки сединою красящихся» — треск тостов и хлопанье пробок шампанского... Поехал человек ловить настоящего гуся, «такого, каков он есть», и «благоговет богомольно», узрев какого-то галицкого «журавля на сосне». «Ефрем гоняется за ветром, ловит восточный» (Ос. 12, 1). Не по тем рельсам, достопочтенный сэръ! — «А моя

статья?» — Знаю, знаю, милостивый государь, но это — «*laborum pretium nonnullum*» [*лат.* малая награда за труды], и ведь целый ноябрь-декабрь. — «Но нужно же изучать и жизнь». — И Владимир Иванович восхвалит Вас. А я Вам говорю: а что есть жизнь? и на что Вам жизнь? и какая ей цена? — «Но жизнь прежде всего». — Нет, во-первых, *Geschichte der Altslavischen Kirchen*. [*нем.* История Древнеславянской Церкви] — «Но жизнь даже для этой *Geschichte* [*нем.* истории] [извините, что в Ваши уста влагаю это поганое пред лицом Вашим слово]. — Нет, на это нужна анатомия, не вивисекция. — А чтобы подвести итог всему Вашему лембергскому периоду, итог, конечно, в смысле *reductio ad absurdum*, [*лат.* возвращения к неприятному] так я / л.3 напомню Вам только о Ваших «двух письмах самого общего содержания». Я знаю о них и от Вашего брата. О, *rus!* [*лат.* О, деревня!] Да ведь одна посылка их есть такое безалаберное, нагак достойное деяние, что всякий, кто пройдет мимо Вас, только свистнет, да головой качнет *terque quaterque*. [*лат.* букв. трижды и четырежды, т. е. многожды] Да, «стал Ефрем как голубь, без сердца» (Ос. 7, 11). С удовольствием ставлю огромный X на Вашем галицком периоде. Готов благодарить даже Яна Непомука, что Вы наконец-то в Праге... Да, вот он что значит, варшавский шлейф-то!

Вы, рыцарь славянофильства, кажется, усвоили себе у Ваших галичан или чехов и некоторые черты их темперамента, довольно «бурного» и чуть-чуть нервного. Вы выступаете против меня под броней «общих идей», под штандартом «общих вопросов». Но Вы знаете, что я — совсем не рыцарского типа; я только архивариус торных дорог Патрологии Миня, регистрирующий то, что другим, вероятно, неизвестно и что нам должно быть известно. Никаких глубин духа / л.3 об. (ни народного, ни общечеловеческого) я не испытываю, никаких общих вопросов я не решаю, в общие идеи верую туго, и — ищу лишь

ultraconcretissima [*лат.* в высшей степени конкретное]. — Вы обещаете, при известных условиях, ополчиться против меня десными и шуими и, быть может, находите, что уже в предшествующих строках я достаточно дерзко перешел за проведенный Вами мысленный рубеж. Ну, что же! турнир, так турнир (*selbstverstandlich* [*нем.* само собой разумеется]) не война: верую и исповедую, что у нас даже и после полярных разноречий останется примиряющих точек так же много, как и 10 июня 1881 г.). Я не прочь и от этого.

Вы-то, конечно, славянофил; но правы ли Вы, когда, как и М. О. Коялович, меня-то крестите западником и воображаете, что дойдете меня, высказавшись «не в интересах романогерманской народности»? Зде разум (в русском переводе: загвоздка). То, может быть, и ахиллесова пята, да только не моя собственная. Вероятно, на 19 из 20 вопросов пригодного для конфирмации как западников, так и славянофилов катихизиса я не дам никакого ответа. / л.4 Он писан для верующих, а я — или скептик или невежда, ἀμίητος [*греч.* непосвященный], чуть-чуть оглашенный и совсем не готовый и не готовящийся ко просвещению. Об одном я не думал, ответ на другой вопрос считаю преждевременным, рассуждать о третьем не имею времени или — пожалуй — охоты. Для верующего западника, поверьте, я столь же незавидная находка, как и для славянофила. Меня во всяком случае нужно «обратить», а на этот счет — еще потягаемся. Да и есть ли еще в Вашем колчане оперенные стрелы, способные пробить бегемотову кожу моего... равнодушия. Вот Вы говорите о моем западнофильстве или немецфильстве. *Juxta modum* [*лат.* в меру, в определенной степени] оно есть и будет. Но в то же время Вы приплетаєте «интересы романо-германской народности» — и совсем понапрасну. Мне-то какое до них дело? — «Но ведь ты кланяешься же лейпцигскому ваалу». — Да, кланяюсь опять-таки *juxta modum* («то на одно, то на оба колена») и десятину даю Шмицдорфу от всего елика притяжу — и все-таки говорю: мне-то какое дело до Вашей «германо-романской на-

родности»? Вы ломаете копыя (хорошо, что хоть не го / л.4 об. ловы) из-за вопроса: Москва или Петербург? «Петербург!» вопиют одни и потешаются над «народом-богоносцем». «Москва!» вещают другие, и плюют на «ватиканского далай-ламу». — Этот вопрос ко мне не относится. Мой вопрос: *Liberat. brev.* с. 14 или *Evagr. h.e.* 2,5? И я знаю, что на него мне не ответит ни Ваш Петербург (для него подобные вопросы, пожалуй, только смешны), ни Ваша Москва (она скажет десяток, пожалуй, сотню слов, громких, очаровательных, чисто (= филологически) русских, «глубоко прочувствованных», глубокомысленных — по суду одних, бессодержательных — по мнению других, действительно богатых идеями — не на тему, но ответа-то все-таки не даст, потому что сама никогда не задавалась этим вопросом, может быть, не имеет даже материальных средств — понять его и, конечно, сама не знает этого ответа.). Итак, ни Ваша Москва, ни Ваш Петербург, а *разве только* мой *alleinseligmachendes* [*нем.* единоспасающий; зд. единственно возможный] Leipzig. Следовательно — на *одно* колесо перед ним!⁶ Мой Лейпциг — не Leipzig / л. 5 и не Leipsick и не Липск, а Lipsia. От него тепло тому, кто умеет греть руки.

Вы обращаете мое внимание на «особенности славянской культуры сравнительно с романо-германской». А что, если я Вам отвечу: во-первых: прекрасно, превосходно! Благодарю, приемлю и ничесоже вопреки глаголю. Во-вторых: а мне-то что до этого за дело? — и останусь на своей прежней позиции? Довольны ли Вы будете таким результатом, мой любезнейший миссионер?

Вашему славянскому девизу я противопоставлю 1) девиз справедливости: «ищите правды даже и у немцев» 2) девиз практичности: «ищите правды прежде всего у немцев» — и затем — для благочестивых размышлений — из Карамзина: «сравняйтесь с ними, а потом, если можете, и превзойдите их». А в качестве итога всего этого — вывод: «не пропадать же /л. 5 об мне для Вашего удовольствия без немцев».

Вы отправляетесь от особенностей славянской культуры... А я ставлю на вид, что $2 \times 2 = 4$ и только 4, и если я, точно Будда, в продолжение целых веков стану сосать большой палец своей правой ноги, я не получу никакого другого результата, кроме того, что $2 \times 2 = 4$. Следовательно, кто первый возвестил эту истину, что $2 \times 2 = 4$, тот открыл ее для целого человечества. А что если 9/10 всей цивилизации каждого народа слагается из величин, столь же отвлеченных и общих, как $2 \times 2 = 4$? Вот почему, когда Вы говорите мне о своеобразном характере славянской культуры, то я благодарю, приемлю и ничесоже вопреки глаголю, и в то же время, когда немец говорит мне что-нибудь в роде $2 \times 2 = 4$, то я тоже благодарю, приемлю и ничесоже вопреки глаголю. Какой-нибудь перуджийский апельсин, быть может, отличается ароматом столь высоким и своеобразным, что является един- / л. 6 ственным в своем роде между всеми апельсинами Италии. Но что, если бы садовник, во имя этой своеобразности, вздумал бы действовать лишь на эти особенности дерева и забросил бы все остальные, что содействует его жизни, его росту, его культуре вообще? Не было ли бы такое уважение к индивидуальности дерева для него хуже лихого мороза?.. Природа, отметившая народ известной печатью своеобразности, — она же — самый верный ее хранитель. Национальные черты — неизгладимы, и тот, кто с пламенным мечом воинствует за их охранение, быть может, изображает собою сторожа того, что и так крепко положено, — того сокровища, которое, быть может, и червь, и тля тлит (но только тогда, когда разведется в нем самом), но которое, на- верно, никакие татие (заметьте это слово: татие, т.е. саранча, которая может действовать лишь налетом) не подкопают и не украдут. Национальность должна развиваться сама собою, и еще далеко не решенный вопрос, есть ли у нас достаточно средств для того, чтобы прямо и сознательно / л.6 об. действовать на самую национальность в зерне ее и во всем остальном влиять на человека именно национальным образом. Что сказано, то еще не доказано и не указано. Московский трезвон сорока сороков

красив и — издали — многовнушитель, но даже и сам Иван Великий, именуемый Русью, скорее гудит густым и гармоническим басом, чем говорит членораздельными звуками. Припомните 1 января 1881 г. и Владимира Зеноновича. — Но пусть эти средства есть; оставляю даже многоплачевный вопрос об их обилии. Выдвигается роковой вопрос — для Вас — о том проценте, какой в этом дивиденде подобает homini [лат. человеку] и какой slavo. [лат. славянину] Я поддерживаю свое 9/10. Во всяком случае я ставлю как аксиому, что «не все о русскому здорово, от чего немцу смерть»; ergo многое (вернее, почти все), от чего здоровеет немец, необходимо и для русского здоровья. Вы можете спорить, но спорить лишь о проценте («ныть о прибавке жалованья» — мерзкое (по контексту) словцо reverendi [лат. почтенного] Достоевского). Суть дела, его / л. 7 «еже ей-ей и еже ни-ни», не подлежит пререканиям: «славянин» не проглотит целого «человека» (подавится), и от бедного homo останутся хоть «рожки да ножки». А раз это так, то я Вам кланяюсь и повторяю: что Вы там ни толкуйте о национальных приемах, о своеобразной культуре, мне-то до них что за дело? Вы мне оставили «рожки да ножки», и в них я обрел свое «*που στῶ*» [греч. место, на котором стою, позицию], да еще такое твердое, что даже не считаю нужным прибавлять хоть одно слово к моему тезису: «ищите правды даже и у немцев», а ставлю прямо правило: «ищите правды прежде всего у немцев».

Если Вы отправитесь по северной границе с.пбургской губернии, затем Олонецкой и Вологодской, повернете на юг (— я веду Вас добросовестно: не направляю на Пермь — созерцать свиной хребет уральских гор, а просто описываю возможно правильный квадрат) по границе вологодской, костромской, нижегородской, рязанской, пензенской, — затем на запад — по границе тамбовской, Орловской / л.7 об. и калужской — и, наконец, по границе смоленской, тверской и новгородской губерний вернетесь в Петербург, то Вы объедете площадь только 17 гу-

берний, — ту площадь, на которой свободно уместятся и Deutschland, и Osterreich — Ungarn, и Schweiz, и даже наши остзейские ...ляндии. Но что же, взглянув моими глазами, Вы увидите в этих 17 губерниях? Да только две духовные академии, да еще два университета (считаю высшие заведения, в которых богословие поставлено сносным образом), т.е. Вы увидите 33 + 33 (произвольно повторяю спб. цифру для московской д. ак.) + 3 (профессоры богословия, ц. истории и канонического права в московском ун-те) + 3 (беру И. Е. Троицкого и В. Г. Рождественского в дублите), итого 72 лица, которые поставлены так, что он них может чего-нибудь ждать богословская наука. Надеюсь, Вы не станете судиться со мною за то, что я опустил римскокатолическую спб. д. академию, о которой и я и Вы знаем лишь то, что о ней сказано в календарях. — Обратимся теперь / л. 8 к темному западу. На той же площади, занятой немецкой культурой, мы насчитываем (по книжке Я. Е. Смирнова) 33 университета. Выбрасываю отсюда мадьярский zu Klausenberg (где нет богословского факультета) и второй (и последний) мадьярский zu Budapest (для равновесия с опущенной, нам неведомой, спб. римскокатолической д. академией). Уступаю Вам славянские университеты львовский, пражский, краковский и православный черновицкий. Остаются 27 университетов (включая, само собой разумеется, и дерптский). Дополняю эту цифру мюнстерской духовной академией и брауншвергским Lyceum Hosianum (с богословским факультетом из 5 преподавателей). Итак, пред нами 29 высших богословских заведений с двумястами семьдесятю четырема преподавателями. 274! Разделите-ка эту цифру на 72, ведь это = 3.80555, чуть не в 4 раза больше хорошо поставленных богословских сил, чем у нас на том же пространстве! Угонитесь ли Вы, человек, за этой кровной арабской лошадей? Да ведь если Вам Ваша славянская национальность будет / л. 8 об. везде и всюду подсказывать только самые прямые и короткие пути, то за этим конем остается такой «сил избыток», что даже пища мыслете, он обгонит Вас почти на всех пунктах. Я не стану ка-

саться разных небогословских акцессуаров, которые увесистым plus om ложатся на романогерманскую чашку и ускоряют ход богословской науки, а укажу лишь на одно то, что вышеприведенный расчет я произвел с такой безобразной несправедливостью в отношении к немцам, что Вы должны воскурить предо мною по крайней мере фунт славянофильского фимиама. Из цифры 66 академических преподавателей я не исключил даже лекторов новых языков, а в ряд немецких теологов я не ввел никого, кто не принадлежит к богословскому факультету; таким образом у меня остались «за штатом» все ученые юридическо-го и философского факультетов, как бы ни были почтенны их заслуги в богословии, — даже и те, кто, как де-Лагарде, признают сами себя «богословами», / л.9 даже два первые знатока древнего канонического права в Германии — фон-Шульте и Маасен. Таким образом, пропорция 1:4 остается твердой и может заградить уста всяким славянофильским скимнам рыкающим: интересующей меня правды у немцев вчетверо больше, чем у нас. Неумолимое 1:4 определяет и настоящее, и не близкое к нам будущее. Никакими национальными особенностями, и даже преимуществом даровитости ничего не поделаться с этой варварской пропорцией. Наш Василий Хрисанфович, конечно, не ниже головою, чем какой-нибудь Wenigschmidt; но, к нашему прискорбию, приходится думать, что Wenigschmidt для богословия делает больше, чем автор «школ»: это просто на просто и единственно потому, что Wenigschmidt живет в каком-нибудь Halle, Kiel'е или Munchen'е, а Василий Хрисанфович — zu Woronesh, что у первого Migne Patrologiae cursus completus всегда под руками, а второй — не доскачет до нее и в три года. Это — к вопросу о нашем / л. 9 об. национальном богатстве.

Ne Hercules contra duos [лат. даже Геракл {не может} против двоих]: ни даже русский против четырех. Такого наше настоящее и будущее; а что сказать о прошедшем? Сколько нулей пришлось бы прибавить к этой последней цифре? Ведь если бы немцы и иже с ними отобрали у нас только то их научное досто-

яние, которое заключается в книгах, писанных на древних языках, — и тогда нам пришлось бы (в научном смысле) подохнуть с голода. Да, не мы, а немцы взяли ключ разумения, и отворяют дверь знания всякому желающему войти. Пусть и между ними «зависть приемлет люди ненаказанные», и между ними водятся и водились, плодятся и плодились такие дворняжки, которые тормозили дорогу своему же брату; но при всем этом, славное прошлое остается бесспорно за ними. Их библиотеки и университеты, их манускрипты и палимпсесты, их иезуиты и *sanmaurini*, их Дю-Канжи и Монфоконы, их Мини и болландисты, их Ассемани и лехитаристы, их *Geld* [*нем.* деньги] / л.10 и *Verlegeres* [*нем.* издатели], на которых мы стоим и похваляемся, точно пигмеи на мухомор. Только смешно, если наши немногочисленные работы по богословию наполняют нас розовыми надеждами насчет нас самих и заставляют нас возносить наши молодые роги пред лицом немцев («ими-де мы избодем всю вселенную»), когда крепким основанием этих работ, как бы ни ни были ценны, была, есть, и будет *alma mater Lipsia*.

Это — о наших культурных успехах в моей области, на которые «с завистью смотрит вселенная» (Из титула турецкого султана). Есть чему завидовать. А я так, право, до такой степени привык к тому завистливому чувству лакомки, отделенного крепкой стеклянной дверью от роскошного обеда, какое пробуждает во мне чуть не каждая добрая книга немецких *Meister'ов* [*нем.* мастеров], что с приятно-злорадным облегчением замечаю те немногие места, где немецкие полубоги тоже жалуются, что такой-то книги они, к сожалению, не могли иметь под руками. Убеждаемся, что и эти госпо- / л. 10 об. да, витающие в Эдеме роскошной, вековой книжной культуры, *anfond* [*франц.* в сущности] тоже смертны. Так радовался во дни оны петербургский лавочник, подавший лейку рассола — опохмелиться *academicis ordinariis* [*лат.* ординарным академикам], уверившись, что и эти «бессмертные» в шитых мундирах тоже испытывают жестокий треск в голове после попоек. Чтобы привести один пример из

нескольких в моем даже немногосложном опыте, расскажу лишь о самом последнем. В одном из №№ Theologische Literaturzeitung я прочитал известие, что в Revue egyptologique, 1881, 2, 1 etc. даны «Recits de Dioscore, exilé a Gangres, sur le concile de Chalcedoine» [франц. рассказы Диоскора, сосланного в Гангру, о Халкидонском соборе]. Нужно вся плотская желания покорить дохови, отложить всякия ветхия мудрования, чтобы знать о подобном куске и — не почувствовать волчьего аппетита. Но спб. духовная академия не получает Revue egyptologique, спб. университет не получает Revue egyptologique, спб. АКАДЕМИЯ НАУК не получает / л. 11 Revue egyptologique, и Ваш покорнейший слуга, вероятно, узнает о соедержании этих Recits лишь тогда, когда то, что в них есть ценного, войдет в состав Lehrbuch'ов [нем. учебников] для немецких гимназистов. Это в Петербурге, где есть и духовная академия, и публичная библиотека, и университет, и академия наук; а что сказать о Воронеже или Бугуруслане, где нет ни духовной академии, ни публичной библиотеки, ни университета, ни академии наук? — Другое обстоятельство подобного рода. Из того же источника (или из Deutsche Literaturzeitung) я получил известие, что в Theologische Studien aus Wurtemberg Herr Nestle поместил статью: Theodor von Mopsuestia und Nestorius, — 1881, 2, 3 SS. 210. 211. Конечно, никто не получает Theologische Studien aus Wurtemberg. О, эти две, только две странички из Theologische Studien aus Wurtemberg! Но добрый Dr Rene Gregory сжалился над несчастными, мучившимися в том же пламени, как и я. Он, как милосердый Лазарь, омочил конец перста своего и охладил язык нам на / л. 11 об. писав две строчки: «Eine Mittheilung aus syrischen Quellen. Sie sollen Vettern sein» [нем. сообщение из сирийских источников. Они, должно быть, родственники]. И теперь Ваш покорнейший слуга совершенно спокоен и лишь весьма слабо волнуется вопросом, которым задавался гоголевский казак в «Вие»: «а я хочу знать, тому ли вас учат в [немецкой] академии, что у нас дьячок читает на клиросе, или чему другому». Или, переводя на язык строгой науки,

какого достоинства эти syrischen Quellen: такого ли, как и те, которыми пользовался Assemani, Bibl. Or. 1, 60 a (что Theodorus — Nestorii ex sorore nepos [*лат.* Федор — племянник Нестория по линии сестры]) или высшего?

Словом, читая хорошие работы немецких мастеров, убеждаешься, что есть на свете слишком много работ, тебе недоступных, где то, что тебя интересует, может быть уже сделано лучше, чем ты можешь сделать; что, не владея всем относящимся к делу материалом (подразумеваю: доступным другим людям), никак нельзя упускать из виду, что ты подвизаешься, быть может, pro nihilo [*лат.* ни к чему, напрасно].

/ л.12 Сравняйтесь с ними, — вещая, по Карамзину, «Петр: — а потом, если можете, и превзойдите их». Завет важный, хотя он исходит, по Карамзину, от лица, которое не обрело благоволения в глазах моих. «Сравняйтесь с ними». Охотно признаю змеиную мудрость того славянофила, который в XIX в. заговорил о национальной культуре etc. etc. etc. Тут есть логика весьма прямолинейная, и этот конь, окрыленный общими идеями, несущийся превыше стоячего леса единичных фактов, — единственный, который может выносить Вас из-под града камней, которым неминуемо обдаёт Вас каждая попытка — спуститься на землю и заговорить языком конкретным. Трактовать о своеобразных задачах нашей культуры при каждом удобном и неудобном случае, ведь это значит злохудожным образом ставить тот завет шиворот навыворот. «Не станем равняться, а вот возьмем, да так-таки и превзойдем их». И прекрасно! Так, по крайней мере, разрублен неразвязанный узел, и все, что нужно было локализовать, локализовано. Тогда, зна- / л.12 об. чит, ни-почем для нас тот факт, что в ту пору, когда немецкие doctores et magistri [*лат.* доктора и магистры] диспутировали в университетах о серьезных богословских тезисах, наши ставленники изучали шестопсалмие за горшок каши, и взяв псалтирь, и по той едва брели. И то для нас пустяки, что в ту пору, когда на западе, после центуриаторов и Барония, выходили на дело свое Тиль-

моны и Дю-Пены, когда там издавались *Bibliothecae patrum* [*лат.* библиотеки {Св.} Отцов], наши грамотеи вопияли: «аще кто не знаменается двема персты, якоже и Христос, да будет проклят св. отцы рекоша» — и баста! И то для нас здорово, что в ту пору, когда там были изданы *Collectiones conciliorum* [*лат.* Соборания {деяний} соборов], написаны хорошие исследования о символах, когда там *sanmaurini* начинали свои бессмертные *collationes* [*лат.* колляцияи {текстов}], — наши велемудрые головы взметали пыль на воздух из-за слов: «истинного и животворящего» и вопияли от ужаса, что поганец Никон на целых две буквы сократил славу Пресвятого Духа, вместо «Душе истинный» поставив: «Душе истины». И незачем нам и переть против рогатины, доказуя, что 1=4. И не /л. 13 пойдем мы вслед за немцами, а вот станем на своем месте, да и превзойдем их. Да только превзойдем ли? Если Вы оставляете мне те «рожки да ножки», то, конечно, лежа на боку, мы не обгоним немцев в этой, по крайней мере области; следовательно, здесь мы должны проделывать то же, что и немцы, следовательно, тянуться за немцами, следовательно, питаться хоть крупичками, да немецкими. Здесь — немцы мои руководители, а не Ваши доморощенные светила. Нельзя же мне довольствоваться разными гениозными построениями, которые может разбить какое-нибудь немецкое *Abhandlung* [*нем.* сочинение], которому *Preis* [*нем.* цена] — 50 pf, и это просто потому, что наше светило истолковало смысл св. -отцев, которых оно не читало. Не терпеть же мне, чтобы какой-нибудь протопоп Аввакум пришел ко мне, да и бултыхнул: «вот так: святии отцы рекоша» (а где, про то не спрашивай) или: «сию отеческую страницу читай, а всех других не касайся, а потом реви истошным голосом: «вот так вси отцы рекоша». Словом, вопрос / л.13 об. крайне несложен: читать мне или не читать? (Если нужно потемнить его для ясности, то — новая формула: историю нужно конструировать а priori, или следует ознакомиться с фактами?) Если «читать», то и поворачивай к немцам, к *alma Lipsia*: ибо у них книги в руках. Вот и все. Расцветет

ли как кедр ливанский славянская цивилизация, самобытная, мощная, очаровательная, так что на нее языцы уповать будут? Сгинут ли эти языцы, разлагаются ли они? Не мои это вопросы, и не я стану давать на них ответы. Она — еще не расцвела, они — еще не разложились. Вот факты, и их достаточно для моих практических надобностей. Когда они разложатся, их заменят другие, или их место останется вакантным. Кто доживет, тот будет соображаться с этой альтернативой. А пока — немцы... Пусть Вы сварите всеславянскую кашу такого божественного (в гомеровском смысле) вкуса, что приползут к Вам боги и полубоги опустелого германороманского олим- / л. 14 па и рады будут облизать хоть ложки (и получают от славянофилов ложкой по лбу, а то и целым черпаком, — ведь, кажется, и этот пункт значится в их программе?) Я не имею ничего против Ваших кухмистерских способностей, но только вижу, что этой новой амброзии Вы еще не сварили, что у Вас даже дров не наколото, словом, нахожу, что «с Вами каши не сварить». Вы говорите мне: погоди, поголодай, вот уже мы etc. etc. Благодарю Вас за благой совет, и отправляюсь к немцам: ем их готовый Brod [нем. хлеб], а от их Wurst [нем. колбасы] отвращаюсь: ее не приемлет душа моя, и никакой доктор меня не обязывает есть ее. Liquet [лат. вопрос ясен]. Западник ли я после этого?

Вы видите, дорогой Иван Саввич, куда я клоню речь свою. Из своего прекрасного далека я позволяю себе усумниться в точности Ваших наблюдений над отношением между германороманской ложью и «славянской правдой». Действительно ли немцы смотрят на нас с теми чувствами, как Вы представляете? Знаменитое «ландкартное давление» я, конечно, / л. 14 об. допускаю, но им одним и объясняю все пароксизмы русофобии. Наши «враги» (говорю Вашим языком) могут завидовать широте наших границ, непочатым естественным богатствам России, численности ее населения (особенно если в их воображении русский Kaiser [нем.

Царь] все еще рисуется только как Kanonendonnergott; [нем. бог пушечного грома] но «какая-то злобная зависть к культурным успехам славянства», это для меня немножко слишком. Барин, откормленный белым хлебом и произведениями einer höheren Küche [нем. более высокой кухни], и — завидующий куску черного хлеба в руках рабочего, да еще злобно завидующий, — фигура, для меня не совсем понятная. Да Вы сами-то не нуждаетесь ли в маленьком холодном компрессе насчет наших культурных успехов? В таком случае вот Вам легонькое memento [лат. напоминание]. Знаете ли, как молятся наши крещеные чуваша? (Прав. Соб. янв.) «В воде живущий дух! тебе поклониться я пришел. Помилуй нас. По наступлении зимы, воду не высуши; по наступлении лета не заливай вовсе водой!.. Вам без счету кашей молимся. В светлом озере живущий боже помилуй! / л.15 Оглобельный боже помилуй! Оглоблей не лиши! Отец ветра! мать ветра! помилуйте! etc.» Эх какие культурные выси! Ex oriente lux [лат. с востока свет], — n'est ce pas? [франц. не так ли?] Что нам нужнее, innere Mission или Drang nach Westen?.. [нем. внутренняя миссия или поход на запад] К тому же в Ваших речах мне слышится еще одно «что-то не так»: с одной стороны, «какая-то злобная зависть» и т. д., с другой стороны — вера во всевозможные «абсурды». Не что линибудь одно: entweder eine beneidenswerthe Hobeit der Kultur oder eine mitleidenswerthe Rohheit? [нем. достойная зависти высота культуры или достойная сожаления грубость] Проверьте еще разок при случае Ваши наблюдения, и может быть, окажется, что у немцев и своих забот полны руки, и — не так много времени, чтобы наблюдать за нашим духовным ростом с лестным для нас постоянством... Как бы впрочем то ни было, но — не скрою — что мне было бы просто жаль, если бы Вы так серьезно, как Вы пишете, отнеслись к делу «внешней» миссии «в особенности» — между «нашими противниками». Роль Kulturtrager'a [нем. просветителя], или даже только просветителя немцев насчет славянства — едва ли из благодар /л. 15 об ных, и эта игра, может быть, не стоит свеч, если даже вести ее «главным образом (а почему же не, ис-

ключительно?) научно.» — «Но ведь ваш Суворов, — сказал mr. Brechet, — был в сущности варвар, чистый дикарь». — «Да, ответил Благов, и за это мы его очень любим». И больше ничего. Так не проще ли? Наши «противники» пусть думают о нас что им угодно, а мы между тем («под шумок») будем делать свое (научное, всецело научное и только научное, без всяких а part [франц. отчасти]) дело без шума. Словом, желаю Вам поймать гуся «такого, каков он есть на самом деле», «немецкого» или «не немецкого» — все равно, с ореолом «удивительной мощи самобытного славянского духа» или с печатью (ибо не клеймом) отроческой подражательности, — даже все равно — облечем ли мы «врагов» наших стыдом или примем глубокий глоток его сами, — все равно, потому что в конце концов это будет успехом знания и, следовательно, нашей культуры. Желаю Вам всяких успехов на этом поле даже с славянофильским оттенком, но без преднамеренного отношения не к мы /л. 16 слям, а к чувствам Ваших «противников», — культуры и культуры, но не Kulturtragerei [нем. просветительство]. Но довольно общностей, и скорым шагом ad concretionia [лат. к более конкретному].

Прежде всего — град заметок без порядка и связи. Для меня — совершенная новость, что даже ординарный профессор славянской филологии в пражском университете — католический священник. — А помните мои замечания, что Вам нечего взять на богословском факультете? Кто оказался правым? — «Часописа» в академической сборной я еще не видал, и Владимир Иванович, когда я говорил с ним, статьи Калоуска еще не читал. — Кажется, у Вас в Праге до сих пор еще не получают Христианского Чтения и «Ц. В.» [«Церковного Вестника»] — Владимир Иванович находит, что документы относительно Гуса еще кое-как рассмотрены и эксплуатированы, насколько нужно было для истории, но в догматическом отношении это еще совсем нетронутая залежь... — Владимир Иванович печатает,

сколько знаю, книгу — с документами, извлеченными из венециан- / л. 16 об. ского архива di Consiglio dei Decì [итал. совета десяти]. Но ему пока ни слова: не думает ли он до времени делать из этого «секрета»? А Ваш немецкий язык в каком состоянии? — А Ваша библиотека и печатная, и рукописная? Цифра или — еще лучше — заглавия наиболее ценного. Concreta, concretiora, immo concretissima [лат. конкретно, более конкретно, в высшей степени конкретно], милостивый государь! Налагаю херем на слова «некоторый», «несколько» и на всякие «не»... — То, что Вы собрали, имеет отношение к чешской только церковной истории или и к другим славянским церквям? — А propos [франц. кстати], из отчета спб. д. ак. за 1881: «За границу в славянские земли командирован ... mgr. ак. Иван Пальмов — для ближайшего ознакомления на месте с памятниками литературы и историей славянских церквей, в виду замещения mgr. Пальмовым вновь предполагаемой к открытию при академии кафедры истории славянских церквей». — Теперь пара серьезных слов по поводу предполагаемой Вашей полемики с Калоуском. Мое Вам благожелание — если только обещания, под которыми Вам сообщены /л. 17 новые документы, не слишком (я хочу сказать, не абсолютно) обязующей природы — отложить эту перестрелку в долгий-долгий ящик. Буду говорить прямо (мне нет, конечно, нужды заверять Вас, что свой личный взгляд я ценю и придаю ему значение лишь настолько, насколько он совпадает с мнением первого глубокоуважаемого нами оппонента, И. Е. Т.). В Вашей диссертации нуждается в пересмотре именно Ваше отношение к славянофильству. Мое личное мнение, Вы знаете, то, что после Вашей книги пълку славянофильскому не въскрьсноути. Но что в ней есть слабого, «соломенного» (не по моему только мнению), так это не совсем порванные связи с корифеями славянофильства, не побежденные остатки старославянофильской точки зрения. Отсюда эти два аршина, один для Гуса, другой для Виклефа. Потому, при следующих Ваших работах, «в кисе Вашей не должны быть двоякие гири, большие и меньшие

(Втор. 25, 13 и сл.) Ибо камень и камень, эфа и эфа, — мерзость пред Господом (Притч. 20, 10 ср. Лев. 24, 22)». Это — прежде всего. Затем, находясь сами в переходном состо / л. 17 об. янии при выработке Вашего общего взгляда на гуситство, Вы выдвинули воззрение, в котором сосредоточились все туманы Вашего прежнего, *nicht ganz überwundenen Standpunktes* [*нем.* не совсем преодоленной точки зрения]. Разумею Ваш взгляд, что православие не было деятельным фактором гуситского движения, но было идеальной целью его сознательных стремлений. Вы этим отнимаете у славянофилов тысячи и — хотите дать им тьмы. Вы вычеркиваете предположение ни на чем не обоснованное и — успокаиваетесь на гипотезе не более поддержанной фактами и психологически невероятной. Вы, напр., по своей снисходительности ко всему чешскому, расположены усматривать нечто весьма великое и многообещающее (может быть — даже подтверждающее Ваше общее воззрение на гуситов?) в том, что чехи помнят, что «их вера от Кирилла и Мефодия и хранится у русов». «Это факт!» пишете Вы. Да, факт, да только он доказывает очень немногое. Угодно ли Вам знать, что ведь и то факт, что подобные воспоминания есть и у мадьяров? (А Нон, 1880, №104). От подобных воспоминаний (к тому же достаточно смутных в догуситскую эпоху) / л.18 до их идеализации — расстояние неба от земли. Никогда Вы не забываете, а всякий раз как сопоставляете гуситство и православие, возгревайте до белого каления в Вашей памяти — маленькое, но *centnerschweres* [*нем.* тяжеловесное, увесистое] и потому пробивающее всякие горделивые аркады славянофильской архитектуры, выражение И. Е. Т., что для Ваших целей нужна не только чаша, но и ЛЖИЦА. Помните, что сам ОН, Владимир Иванович, «преклонился» под тяжестью этого удара. Он разом выбивает почву из под ног старых славянофилов, открывая их изумленному взору безбрежный океан археологических исследований о стиле гуситской чаши, который нужно еще пройти, может быть, только для того, чтобы придти к печальному сознанию, что «блистательно» (допустим это)

доказав чашу, но без ЛЖИЦЫ, они в сущности работали pro nihilo [лат. зд.: напрасно]. Эта «частность», я думаю, имеет и для Вашего, «общего» взгляда на гуситство значение в такой степени перво-степенное, что прямо приглашает Вас, милостивый государь, с тяжелым критическим / л. 18 об. молотом в руках, переиспытать каждый камень, заложенный в основу Вашей гипотезы. Не торопитесь же с «общими» взглядами, состоятельность которых не признана тем лицом, мнение которого для нас до такой степени «небезразлично». Не спешите обобщениями даже новых материалов: нет ничего труднее обобщений строгих и полных, ненадежнее — обобщений недостаточных. Увеличивайте Ваш арсенал, набивайте «материалами» Ваш чемодан он низу до верху. Не торопитесь выпускать Ваши заряды, лишь только они попались Вам под руку, как бы их действие ни казалось Вам разрушительным. В тысячу раз лучше, если Вы завяжете полемику в такую пору, когда будете в состоянии «отсидеться» от всякой осады, даже самой продолжительной, изумляя Ваших оппонентов и новизной Ваших снарядов, и неисчерпаемым обилием Вашего арсенала. Собирайте и — не расточайте, и Бог мира да будет с Вами.

А когда Вы станете «православить» Ва- / л. 19 шего Гуса (— отдаю Вам должную честь за ту умеренность, с какой Вы это делаете —) то примите к сведению и мои личные замечания. Не увлекайтесь Вашими антипатиями против римского католицизма и не за все возлагайте на него ответственность: не из-за римскокатолических влияний заводились в Праге benatku, и под римскими влияниями оставалось достаточно места для нового Иерусалима. Не упускайте из виду, что римский католицизм не есть только деморализующая сила, но и христианская церковь. Поймите вернее положение в ней самого Гуса: не забудьте, что до 6 июля 1415 г., когда с него была снята alba, — до этой минуты он был римский патер (личности oo. Делькевича и Гатгалы, надеюсь, достаточно примирили Вас с этим названием). Не приветствуйте же безграничным applausu [лат. рукоплесканием] всякую выходку Гуса против римского католицизма, как бы ни

было крепко и едко его оперенное слово: ведь оно было против той церкви, которой служил он. Искушайте медленным /л. 19 об. огнем критики, что полагал Гус на место того, что разрушал он. Не пленяйтесь звучным аккордом его общих выражений и требуйте от него деталей, деталей, деталей. Хорошенько, как это сделали бы св. отцы — инквизиторы, допросите его, что он думает о церковном строе в его видимом осуществлении и откуда он собирается взять свою иерархию. Тогда мы и увидим, куда он идет, кто он, Cyrillo — Methodianus или Lutherus antelutheranus (пожалуйста не умиляйтесь, когда он станет уверять Вас, что он — Cristianus). Я не требую от него ни папы, ни кардиналов, но пусть он без уверток отвечает, нужны ли ему епископы, где он их достанет и кто будет у него ставить тех благочестивых пресвитеров, которые довели когда-то для управления церковью и которые могут и теперь руководить верным народом до самого второго пришествия. Речь идет не о каких-нибудь едва уловимых тонкостях, где тот, кому говорят, ничего не понимает сам / л. 20 себя; дело тут о двух обязательных цифрах, 2 или 3, и категорического «да» или «нет» здесь требовать можно и должно. Поймите и нам покажите Вашего Гуса в тот момент, когда он очутился во главе поднятого им духовного стада во всем своем неприглядном одиночестве, ἀκέφαλος [*греч.* без главы], без единого епископа. Что тогда он думал? на что надеялся? не дрогнуло ли здесь его сердце? Сознал ли он всю роковую важность подобного положения? где видел исход из него? какую историю рисовал он начатому им движению (в смысле существования не в небесном Иерусалиме, а в земных условиях пространства и времени)? К какому историческому церковному организму думал привиться он, дивия маслина, оторвавшаяся от своего исторического устоя? или ему казалось возможным и существование «перекати-поля»? Добейтесь этих ответов от Вашего Гуса, и тогда будет видно по крайней мере, что он за птица: под силу ли ему ястребиный полет зоркого Виклефа, или он сродни нашим воронам, которые, начав с сугубого аллилуия, скорехонько дос-

тукались до / л.20 об. беспоповщины? И если Ваш Гус не даст ясного ответа на первую партию вопросов, то проставьте ему на лбу лапидарным шрифтом «non liquet» [*лат.* вопрос неясен] и не поднимайте бранной тревоги даже и тогда, когда какой-нибудь немец отпихнет его шестом от католического берега к протестантскому. А если Гус не ответит Вам определенно на вторую партию вопросов, то опять-таки напишите ему на лбу «non liquet» и не возводите его на пьедестал превыше Виклефа и не вменяйте ему в заслугу и великое преимущество того, что в конце концов, может быть, сводится к неясности его воззрения. А нам скажите коротко и просто: «здесь темна вода во облацех. Не тяните Гуса в ряды православия, хотя бы для этого нужны были и не канаты, а лишь слабые шелковинки. Кто опрется на этот тростник египетский, тот проколет себе руку».

Сколько запросов Вам, и — так мало сообщений о Петербурге! Но что я Вам мог бы сообщить, то, по всей вероятности, /л. 21 Вы уже знаете от Михаила Саввича. Вы знаете, напр., что Жмакин — уже *theol. mgr* (22 ноября), но по большинству голосов. Может быть, в кругах студенческих это черное пятнышко приняло очертание настоящей грозовой тучи. Побит оказался диспутант. По-моему, следовало бы побить оппонентов за такую оппозицию. Никольский (В. В.) (2-й оппонент) говорил чрезвычайно дельно, (куръез только вышел один: упрекая Жмакина за частое (иногда неправильное) употребление иностранных слов, Вл. В. в своем возражении сам употребил 12 или 15 (считал, но не помню) иностранных слов). Первый оппонент, принципал Жмакина, был решительно невозможен. До диспута грозою заносилось над «черною бородою» возражение М.О.К. Жмакин знал, что ему спуска не будет. Выслушал я возражение, окончившееся словами: «и се Вам вина», и с сожалением принужден сказать, что бедную «черную бороду» судили почти исключительно за то, что наш XVI в. оказался очень темным, и

Жмакин сыскал в нем слишком мало «украшающих его добродетелей, до ко- / л. 21 об. [то]рых другим далеко». Впрочем, Жмакин может утешаться хоть тем, что Вл. В. Никольский даже печатно и по другому поводу заявил, что он признает за его диссертацией важные достоинства.

Вы знаете, вероятно, что на святках и неожиданно для самого себя у Жмакина опять гостил Вл. Зен. Завитневич. Бывал, конечно, и у меня. Его диссертация имеет скоро увидеть свет и притом в двух естествах: одна часть появится как учебное приложение к Холмско-Варш. Еп. Ведомостям, другая — в Чт. Общ. Ист. И др. при Моск. Ун-те.

Не безызвестно Вам, вероятно, и то, что Александр Васильевич Тапров 8 января женился, и женился на Александре Бертольдовне Проквит (Proquite), русской по матери, онемечившейся француженке (по-настоящему оно — Прокит) по отцу. Ее отец — управляющий домом графа Орлова-Давыдова. В этом событии и заключается ключ к словам его письма, которых мы тогда не разгадали: «приеду в Петербург, угадайте / л.22 зачем?»

Помните, когда-то, на Ваш вопрос, я сказал Вам, что получил одно письмо, только меня касающееся? В октябре месяце мне приходилось вести переписку относительно предложенного переустройства моего домашнего быта, и Михаил Саввич, вероятно, сообщил Вам, что я живу на новой квартире. С 13 декабря я перебрался в квартиру через дом от Золкина (ближе к Академии, по Невскому). С 16 января у меня живет Маменька. Занимаю квартиру в три комнаты (4 окна на второй двор) с кухней и коридорчиком. Есть водопровод. Дрова домовладельца. Включая плату дворникам, — 28 р. с. в месяц. И при выборе квартиры, и при ее обмещивке я был навязчив, а Иван Степанович Якимов — любезен до геркулесовых столбов. Кстати: Ив. Ст. тоже переменял свою квартиру — поселился в доме Иванова (как раз через улицу окнами против окон известного Вам дома Гулина, где и Ваша, и моя комната все еще пустует). Мой новый адрес: по Невскому, на

бывшей Конной дом Бодаева № 13 кварт. 26. — Совсем было забыл сообщать, что моя теперешняя / л.22 об. квартира уже не на вершине Арарата и далеко ниже адмиралтейского шпица: всего в третьем этаже (вторая лестница).

Вы без сомнения ждете, что скажу же я, наконец, что-нибудь и о внутренней академической жизни и о пресловутой комиссии. Она есть, еще не покончила своих занятий и работает — над чем, Вы не знаете ли об этом чего-нибудь? Ибо она работает под покровом канцелярской тайны. Да, это — наследие умершего и с царственным великолепием (2-мя митрополитами и 4-мя [архи]епископами) погребенного прот. И. В. Васильева, который возбудил этот вопрос и дал ему такой оборот, что члены должны были дать честное слово ничего не открывать о результатах своих работ. Можно только думать, что плоды этих работ скажутся [реформами] года через полтора и, кажется, испортят многое. Состав комиссии, однако, не тот, какой предполагали. Председатель — Сергей, архиеп. Казанский; представители академий: казанской: Dr. Th. Бердников (канонист), киевской — Dr. Th. В. Ф. / л. 23 Певницкий (гомилет), московской — Dr th. В. Д. Кудрявцев-Платонов (известный философ) и с. пб. — Dr th. И. Ф. Нильский. О других членах не знаю. Секретарь — наш Иван Егорович.

Михаил Осипович готовит к печати часть своего курса. Об этом заявлено уже в «Отчете» на акте.

Кажется, и все. Caetera Nuntius esslesiasticus et Lectio Christiana docebunt [*лат.* об остальном известят Церковный вестник и Христианское чтение]. Михаил Саввич, вероятно, известил Вас, почему я не посылаю Вам обещанного оттиска статьи своей: я получу несколько брошюрок с особой пагинацией лишь при (не близком) окончании всей статьи.

То неприятное для Вас обстоятельство, что Ваша статья могла появиться только с значительными урезками, было неотвратимым следствием того, что она появилась после давно представленной статьи Михаила Осиповича (Хр. Чт. Янв.-Февр.), где

дан был текст того, что Вы предлагаете лишь в анализе. Передать Вашу статью в «Странник», обойдя «Христ. Чт.» — «Церк. Вестник», я не считал возможным, да и от Вас не / л. 23 об. имел категорических полномочий. Не знаю, насколько от этого пострадали интересы Вашего кошелька (и пострадали ли? Надеюсь, Ваш гонорар в «Церк. Вестн.» значительно выше, чем в «Страннике»). Но те опасения, о каких меня известил Михаил Саввич, Вы конечно отложите в сторону, просмотрев статью Михаила Осиповича. На его основе Вы можете работать так же удобно, как и на своей собственной. Ссылка на «Хр. Чт.» устраняет всякие недоразумения в читателях.

Но пора мне и кончать. Это письмо начато мною 24 февр/8 марта, Вы получите его чуть не 1го апреля. Зато видите, колицами книгами писах Вам моею рукою.

В заключение *assedo* [*лат.* добавляю] к тем искреннейшим пожеланиям Вам всего наилучшего, которым от имени Ивана Егоровича я начал это письмо.

С сердечною расположенностию
и уважением к Вам
Ваш
В. Болотов.

Комментарий

Судя по всему, В. В. Болотов не имел привычки сохранять письма своих корреспондентов. Этим объясняется небольшой объем эпистолярных материалов в его архиве. Не дошли до нас и письма И. С. Пальмова, предшествовавшие написанию данного, публикуемого нами, послания Василия Васильевича; об их содержании можно лишь догадываться. Определенный свет на настроения Пальмова в начале его заграничной командировки бросают его письма, хранящиеся в архиве Ивана Егоровича Троицкого (ОР РНБ Ф. 790).⁷ К периоду ноября 1881 г. — марта

1882 г. относятся одно письмо из Львова (от 21 ноября, 8 л.), одно из Кракова (от 29 декабря/10 января 1882 г., 1 л.) и два из Праги (от 26 января, 4 л. и от 28 марта/9 апреля, 4 л.). Эти письма содержат подробный отчет о научных занятиях Ивана Саввича и исполнены восторженными славянофильскими высказываниями автора. Письмо Болотова, по всей видимости, сильно задело Пальмова. В конце первого из пражских писем Троицкому он ограничивается краткой записью: «Василию Васильевичу Болотову все собираюсь писать. Писать ему значит оскорблять его западнофильские или, точнее, немцефильское чувство». Во втором письме из Праги (от 28 марта) Пальмов считает необходимым оправдаться перед Троицким (вернее, перед Болотовым) и объяснить свою позицию. Говоря о найденном им свидетельстве о пребывании греков в Праге в 1437 г., он пишет: «Не знаю, насколько мои слабые силы помогут мне успеть в разъяснении некоторых еще темных вопросов чешской истории: по крайней мере смотрю на это дело серьезно, избегая по возможности всякого ненаучного субъективизма, в котором еще так недавно обличал меня Василий Васильевич Болотов. Он прислал мне строгий и решительный наказ, чтобы я «не тащил Гуса в православие, хотя бы для того и потребовалась самая тоненькая ниточка». Признаюсь, таких тенденций, без оснований, я никогда не имел и не считаю научным держаться их <...> Если, с одной стороны, в моем сочинении есть действительно недостатки, зависевшие от моих личных симпатий к гуситству, то с другой стороны, предполагаемая во мне тенденциозность во всяком случае преувеличена: не побитая еще славянофильская теория, подкрепляемая новыми мало-помалу открывающимися документами, является таким аргументом, с которым во всяком случае нужно обращаться очень осторожно. Что касается сомнений Василия Васильевича насчет верности моей ссылки относительно влияния кирилло-мефодиевского православия на характер чешской реформации, то эти сомнения я могу устранить теперь положительными свидетельствами». Далее Пальмов говорит о

наличии имен свв. Кирилла и Мефодия в чешских святцах XIV в. и о богослужении в Эммаусском монастыре, которое, по его мнению, совершалось по греко-славянскому, а не по католическому обряду. Это письмо, по сути, представляет собой полемику против Болотова, которому ответить лично Пальмов в тот момент не решился.

Следует заметить, что Иван Саввич так и не изменил своему крайнему славянофильскому взгляду на историю Чехии, оставаясь в этом вопросе верным учеником М. - О. Кояловича и продолжая линию, начатую А. Ф. Гильфердингом, Е. П. Новиковым и В. А. Бильбасовым.⁸

С. 41 ... как раз накануне нашего акта... — Годичный акт Санкт-Петербургской Духовной Академии состоялся 17 февраля 1882 г.

... *Вл. Ив. Ламанского я видел только сегодня* — Владимир Иванович Ламанский (1833–1914) — профессор СПб Университета по кафедре славянской филологии, создатель целой школы славянофильского направления в исторической науке. Учениками Ламанского были многие известные профессора-слависты — Т. Д. Флоринский, Ф. Ф. Зигель, А. С. Будилович и др. Читал он лекции и в СПбДА, где также имел учеников. Наряду с И. Е. Троицким, В. И. Ламанский являлся руководителем научных занятий И. С. Пальмова.

... *Οι περί τὸν «Странник»...* — «Странник» — ежемесячный духовный журнал современной жизни, науки и литературы; издавался в Петербурге под редакцией А. П. Лопухина (1860–1904) и С. А. Артемьева (1904–1916).

Иван Егорович поручил мне... — Иван Егорович Троицкий (1832–1901) — профессор СПбДА по кафедре новой общей церковной истории; по определению В. В. Болотова Троиц-

кий был «корифеем русских византинистов». Его перу принадлежит ряд исследований и публикаций по истории Византийской церкви, в том числе «Автобиография Михаила Палеолога», «Патриарх Арсений и арсениты» и др. Троицкий явился учителем целого поколения историков Церкви — выпускников СПбДА: его непосредственными учениками были В. В. Болотов, А. И. Бриллиантов, И. С. Пальмов; по СПб университету — Б. М. Мелиоранский.

Иван Егорович... намерен попросить Вас снять копии с некоторых львовских документов... — Эта просьба не была выполнена. См. письмо И. С. Пальмова И. Е. Троицкому из Праги от 28 марта/ 9 апреля 1882 г. (ОР РНБ. 790); в котором он объясняет причины невозможности выполнить поручение: «В своем письме ко мне Василий Васильевич спрашивает: не могу ли я, при содействии своих львовских знакомых, получить копии греческих грамот, хранящихся в львовском ставропигийском архиве, и переслать их Вам? В бытность свою во Львове я серьезно думал об этом, но выполнить свое намерение я находил невозможным — во-первых, потому, что это дело потребовало бы времени, а во-вторых — и по недостатку необходимого умения в греческой палеографии. Доверить же это дело тамошним грекам, которые вообще были слишком отзывчивы на мои нужды, не мог, потому что, при всей похвальной любви к своему родному, они не в состоянии справиться с трудностями греческих документов: так что когда потребовалось снять копии с некоторых греческих грамот, то это дело поручено было одному Венскому ученому, Циммерману. Но и этот ученый из пресловутых немецких гелертеров не в состоянии был сделать исправные копии. Вообще важность документов требует более серьезного и исправного их копирования, а этот труд в настоящий раз ни я не могу исполнить, ни другим поручить до тех пор, пока я вторично не побываю во Львове». В настоящее время эти документы хранятся в Центральном государственном историческом

архиве Украины в г. Львове.

С. 42. ... *отселе Lemberg* — Lemberg — немецкое название г. Львова.

... *то хотел было благим матом завопить... не доведут до добра бабы* — Неточная цитата из «Тараса Бульбы» Н. В. Гоголя: «Андрий!» — сказал старый Бульба... — «С тобой баба! Ей, отдеру тебя, вставши, на все бока! Не доведут тебя бабы до добра!» (Гоголь Н. В. Сочинения. Изд. 10-е. М., 1889. Т. 1 С. 293).

... *Вы благоволите держать нас с Михаилом Саввичем «в неведенье счастливом»...* — М. С. Пальмов, брат И. С. Пальмова, студент СПбДА в 1879–1883 гг., магистр богословия, автор диссертационного исследования «Идолопоклонство у древних евреев» СПб., 1897.

С. 43 ... *O rus!* — Цитата из Горация, вошедшая в эпиграф второй главы поэмы А. С. Пушкина «Евгений Онегин» (*O rus! Nor. O Русь!*)

Готов благодарить даже Яна Непомука... — Ян из Помук — викарий пражского архиепископа Яна из Енштейна. Согласно легенде, не открыл королю Вячеславу IV тайны исповеди королевы Иоанны, за что в 1393 г. был сброшен в реку Влтаву. В 1729 г. канонизирован при содействии иезуитов. См. статью: П[альмов И. С.] Праздник Яна Непомуцкого в Праге. 16–4 мая 1882 г. // Церковный вестник. 1882. № 21. С. 6–7.

С. 44. ... *у нас... останется примиряющих точек так же много, как и 10 июня 1881 г. ...* — День публичной защиты И. С. - Пальмовым магистерской диссертации «Вопрос о чаше в гуситском движении», одним из оппонентов которого был В. В. Болотов.

... но правы ли Вы ... как и М. О. Коялович... — Михаил Осипович Коялович (1828–1891) профессор СПбДА по кафедре сравнительного богословия и русского раскола, затем русской гражданской и церковной истории. Коялович был активным сторонником славянофильского направления в русской историографии, он стоял за возможно тесное общение между славянскими племенами, за их объединение под знаменем св. Кирилла и Мефодия. Основные взгляды Кояловича были усвоены и впоследствии развивались И. С. Пальмовым.

... и десятину даю Шмицдорфу... — Шмицдорф — владелец немецкого книжного магазина в Петербурге, через который Болотов регулярно выписывал новейшие научные издания из Германии. В архиве Болотова сохранились счета и переписка о получении книг из магазина Шмицдорфа. (ОР РНБ Ф. 88. Оп. 1. Д. 59).

С. 45. ... *Liberat. brev. C. 14 или Evagr. h.e. 2,5* — Имеются ввиду *Breviarium* карфагенского архидиакона Либерата, впервые изданный францисканцем Петром Краббе в Кельне в 1538 г. См.: Болотов В. В. Лекции по истории древней церкви. Т. 1. СПб., 1907. С. 129. и издание Миня «Церковной истории» Евагрия Схоластика, писателя VI в. (PG LXXXVI, 2, 2415–2886.)

С. 47 ...*припомните 1 января 1881 г. и Владимира Зеноновича* — В. З. Завитневич (1853–1927), окончил курс СПбДА в 1879, профессор Киевской ДА по кафедре русской гражданской истории. Главный его труд (магистерская диссертация): Палинодия Захарии Копыстенского и ее место в истории западнорусской полемики XVI и XVII вв. Варшава 1883. Друг В. В. Болотова и И. С. Пальмова.

С. 48. ... беру ... В. Г. Рождественского — Прот. Василий Гаврилович Рождественский (1839–1917) профессор СПбДА по кафедре основного богословия; экзегет, автор трудов по Но-

вому Завету.

С. 49. ... *даже и те, кто, как де-Лагарде, признают себя «богословами»...* — Павел-Антуан де Лагарде (1827–1891) ориенталист, профессор Геттингенского университета, автор трудов по иранским, семитским языкам, критике текста Ветхого Завета. Служил для В. В. Болотова образцом в изучении языков и текстологической работе. Учиться у де Лагарде Болотов считал обязательным для будущего экзегета (письмо И. А. Уберскому ОР РНБ. Ф. 88 Оп. 1. Д. 267. Л. 1.)

... *два первые знатока древнего канонического права...* — фон-Шульте и Маасен — Иоганн-Фридрих фон Шульте (1827–1914) католический канонист, профессор церковного права в Праге и Бонне, один из главных руководителей старокатолического движения, автор трудов по истории старокатоличества, против ультрамонтанства, а также по источникам церковного права. Фридрих-Бернгард-Христиан Маасен (1823–1900) — немецкий канонист, профессор в Инсбруке, Граце и Вене, автор капитальных исследований об источниках канонического права, о главенстве римского престола, о свободе церкви и свободе совести.

... *что у первого Migne Patrologiae cursus completus всегда под руками...* — Жак-Поль Минь (Migne, 1800–1875) французский аббат, издатель знаменитых серий творений св. отцов и церковных писателей. «Patrologiae cursus completus» (Series latina 1844–56, 2-е изд. 1877. 220 томов, охватывающая латинских писателей II–XII вв.; Series graeca 1857–66 гг. в 161 т. — творения греческих отцов и церковных писателей до XV в. включительно). Это издание и поныне является основным для всех, занимающихся богословием и историей.

С. 50. ... *их манускрипты и палимпсесты, их иезуиты и san'taurini, их Дю-Канжи и Монфоконы, их Мини и болландисты, их Ассемани и мхитаристы...* — Палимпсе-

сты — пергаменные рукописи, в которых верхний текст написан на месте нижнего, смытого или выскобленного. В XIX в. выявление более древнего (нижнего) текста производилось при помощи химических реактивов, в XX в. специальным фотографированием, а с 1992–93 гг. с применением новейших компьютерных технологий, что позволило сделать много открытий.

Иезуиты — католический монашеский орден, основанный в 1534 г. в Париже Игнатием Лойолой. К нему принадлежали многие известные ученые, в том числе болландисты (см. ниже).

Sanmaurini (мавриниане, мавринцы, мавристы) — ученая конгрегация католических монахов-бенедиктинцев во Франции, утвержденная в 1618 г. Мавристами были знаменитые основоположники палеографии как науки Мабильон и Монфокон; членами конгрегации изданы тексты многих Св. Отцов (Афанасия Александрийского, Григория Богослова, Кирилла Иерусалимского, Златоуста и др.)

Шарль Дюканж (1610–1668) великий французский ученый, византист и лингвист, автор сочинений по истории Византии и Франции. Главные его труды «Glossarium ad scriptores mediae et intimae latinitatis» и «Glossarium ad scriptores mediae et intimae greccitatis» до сих пор являются незаменимыми пособиями для медиевистов.

Болландисты — фламандские монахи иезуитского ордена, во главе которых стоял Иоанн Болланд (+ 1665 г.), занимались изданием «Acta Sanctorum» в 63-х томах (начато в XVII в.)

Иосиф-Симон Ассемани (1687–1768) хранитель рукописей Ватиканской библиотеки, автор трудов *Bibliotheca orientalis Clementino-Vaticana*. Т. 1–4 Roma, 1719–1728; *Bibliotheca juris orientalis canonici et civilis*. Т. 1–4. Roma, 1762–1764.

Мхитаристы — католический орден, основанный армянским национальным деятелем Мхитаром Севастийским (1676–1749), целью которого являлось поднятие культурного уровня

армянского народа и сохранение памятников древней армянской письменности. В 1717 г. Мхитар основал монастырь на о. с-в. Лазаря близ Венеции, который стал центром перевода, изучения и издания памятников армянской истории и литературы. Значительное место среди работ мхитаристов занимают труды по богословию и толкованию Св. Писания.

С. 51. *Revue egyptologique* — Научный журнал по египтологии, основанный в Париже в 1880 г. Э. Ревилью.

... волнуется вопросам, которым задавался гоголевский казак в «Вие»: «а я хочу знать, тому ли вас учат... или чему другому». — Неточная цитата. «Я хотел бы знать, чему у вас в бурсе учат: тому ли самому, что и дьяк читает в церкви, или чему другому?» (Гоголь Н. В. Собрание сочинений. Т. 1. М., 1889. С. 381.

Или, переводя на язык строгой науки, какого достоинства эти syrische Quellen ... — В этом пассаже речь идет о теме, над которой Болотов начал работать еще в студенческие годы и по которой намеревался написать докторскую диссертацию, — а именно открытие им нового текста, принадлежавшего Несторию. По ряду причин диссертация «Рустик, диакон римской церкви, и его литературные труды» так и не была написана, а разрозненные материалы под названием «Rusticus» хранятся в архиве ученого (ОР РНБ. Ф. 88. Оп. 1. Д. 85). В 1907 г. А. И. Бриллиантов опубликовал письмо Болотова И. Е. Троицкому, а также две его записки (одна из них адресована М. О. Кояловичу), где вкратце объясняется суть научного открытия Болотова. (Письмо и две записки проф. В. В. Болотова о неоконченной работе его о Рустике // Христ. чтение. 1907. Март. С. 380–391). В период написания данного письма Пальмову (начало 1882 г.) Болотов серьезно намеревался в ближайшие годы обнародовать результаты своего исследования. В письме к И. Е. Троицкому от 11–12 апреля 1896 г. он вспоминает: «Во дни оны я очень опасался, как бы немцы не перехватили

моих находок. Потом я пришел к уверенности, что добраться до них не так-то просто. (Меня ведь выручило мое легкомыслие доцента на второй год службы. (там же, с. 383). Далее в этом же письме он объясняет причину того, что опубликование этого открытия задержалось: «Но, чего доброго, наши «камни» все же возопиют: зачем извлекают на свет писания еретиков? Зачем занимаются изучением еретиков? При действии прежнего устава, я уверен, «Несторий прошел бы совершенно благополучно». (там же, с. 384). Но в то время Болотов еще не приобрел достаточной «литературной известности», т.е. не имел множества печатных трудов. «А когда они появились в печати, — продолжает ученый, — солнце устава 1869 г. уже «позна запад свой». Новый устав «положил есть тьму», и мне дело представилось в таком свете: не следует ли вести себя так, чтобы на «гору гелвуйскую» 1884 г. «не сходила ни роса, ни дождь»? Устав ведь хочет научного бесплодия; не будем же и лезть на драку». (там же, с. 384). Во второй записке — «На всякий случай» (1890–92 гг.) — открытие Болотова излагается им по пунктам. (там же, с. 389–391). «Опасаясь лишь — в случае если холера или разрыв сердца приведет меня к тихому пристанищу — унести с собою в могилу и сделанное мною, русским, открытие, до которого, пожалуй, ни немцы, ни французы не добредут и в XX столетии, — и в предотвращение этого пишу — на всякий случай — эти строки». (там же, с. 389). На наш взгляд, эти слова в достаточной мере разрешают всякие сомнения по вопросу о «немцефильстве» Василия Васильевича.

Assemani, Bibl. Or. 1, 60a — Имеется ввиду издание I.S. Assemani. *Bibliotheca juris orientalis canonici et civilis*. Т. 1. Roma, 1762.

С. 52. ... после *центуриатов* и *Барония*, выходили на дело свое *Тильмоны* и *Дю-Пены*... — *Центуриаты* — корпорация авторов *Магдебургских центрурий* — первого в протестантской литературе большого сочинения по истории христианства, изданное в 1559–1574 гг. (до XIII века включительно, 13 томов). Позже изда-

ние было доведено до конца XVI в. Основная черта этого исторического труда — противокатолическая направленность.

Цезарь Бароний (1538–1607) кардинал, библиотекарь в Ватикане, автор знаменитого произведения «*Annales ecclesiastici a Christo nato ad annum 1198.*» Т. 1–12. Roma, 1588. Это сочинение является апологией папства, одной из целей его была защита прав и притязаний папства на основе первоначального христианского учения.

Севастиан Тильмон (1637–1698) — французский историк церкви, автор капитальных трудов: *Memoires pour servir a l'histoire ecclesiastique des six premiers siecles.* 16t. Paris, 1693–1712; 2e ed. 8t. Bruxelles, 1707–1719; *Histoire des empereurs et des autres princes. qui ont regne durant les six premiers siecles de l'eglise.* 6t. Paris, 1690–1738.

Луи Дюпен (1657–1719) знаменитый патролог, профессор в College de France. Главный его труд: «*Nouvelle bibliotheque des auteurs ecclesiastiques des six premiers siecles*».

Характеристику первых двух из перечисленных исторических сочинений Болотов дает в неопубликованном критическом обзоре католической и протестантской историографии (ОР РНБ Ф. 102. Оп. 1. Д. 420 Лл. 46–126).

С. 53. ...были изданы *Collectiones conciliorum* — Здесь речь идет о многочисленных изданиях деяний Вселенских соборов в XVI–XVIII вв. Обзор этих изданий см.: Болотов В. В. Лекции по истории древней церкви. Т. 1. С. 127–136.

... вопияли от ужаса, что поганец Никон... — Патр. Никон (1605–1681) известный инициатор церковных реформ на Руси по греческому образцу. В 1654 г. он распорядился править богослужебные книги по древним греческим и славянским рукописям; на соборе 1666/67 гг. были преданы анафеме придерживающиеся двуперстного сложения. При Никоне были введены всеобщее употребление четырехконечного креста вместо традицион-

ного русского восьмиконечного, иная редакция Символа веры, троеперстное сложение и партесное пение.

... чтобы какой-нибудь протопоп Аввакум... — Аввакум Петрович, протопоп г. Юрьевца-Поволжского — один из лидеров старообрядческого движения XVII в., главный противник реформ патр. Никона. В 1651–52 гг. при патр. Иосифе участвовал в исправлении книг, остальная часть его жизни (до сожжения в Пустозерске 1 апр. 1681 г.) была посвящена сопротивлению реформам.

С. 55. *Знаете ли, как молятся наши крещеные чувашаи? ... n'est ce pas?* — выдержки из статьи: Прот. Е. Малов. О чувашах / Православный собеседник. 1882. Ч. 1. С. 57.

С. 56. *... «Часописа» ... я еще не видал...* — Casopis Ceskeho Musea — ежегодный журнал, издаваемый Народным музеем в Праге с 1927 г.

... Владимир Иванович ... статьи Калоуска еще не читал. — Йозеф Калоусек (1838–1915), чешский ученый, автор книги «Чешское государственное право» (1871), в которой доказывал, что включение Чехии в состав империи Габсбургов не означало ликвидации ее суверенитета, признанного в международных отношениях.

Владимир Иванович печатает ... книгу... — имеется в виду: Ламанский В. И. Les Secrets d'etat de Venise et les relations de la republique a la fin du xv et au XVI siecle avec les grecs, les slaves et les tures». СПб., 1884.

С. 57. *A propos, из отчета ... славянских церквей* — журналы заседаний Совета СПБДА за 1881–1882 гг. С. 5–6.

Отсюда эти два аршина, один для Гуса, другой для Викле-

фа... — Ян Гус (1369–1415) — знаменитый чешский реформатор.

Джон Виклеф (Виклиф) (1320–1384) — английский священник, реформатор, противник папства и монашества. Учение Виклефа оказало влияние на Гуса и Лютера.

С. 59. ... не из-за римскокатолических влияний заводились в Праге *venatku* ... достаточно места для нового Иерусалима. — *venatku* — название района «красных фонарей» на берегу Влтавы (XIV–XV вв.). Чешский деятель Ян Милич из Крамержича организовал там приют для падших женщин, в котором они занимались рукоделием; это заведение носило название «Новый Иерусалим».

С. 61. Вы знаете, напр., что Жмакин — уже *theol. mgr* (22 ноября) ... — свящ. Василий Иванович Жмакин (1853–1907), воспитанник СПбДА, 22 ноября 1881 г. защитил магистерскую диссертацию «Митрополит Даниил и его сочинения» (М., 1881). Оппонентами его были Н. И. Барсов и В. В. Никольский. См.: Отзыв Н. И. Барсова о соч. В. Жмакина «Митрополит Даниил и его сочинения» // Протоколы заседаний Совета СПбДА за 1881–1882 уч. год. С. 78–83; (заседание 23 октября.) Журнал публичного общего собрания Совета СПбДА. 22 ноября 1881 г. // Там же. С. 91; Жмакин В. Черты современности в сочинениях митрополита Даниила (Речь перед публичной защитой магистерской диссертации: «Митрополита Даниил и его сочинения») // Христ. чтение. 1882. Ч. 2. С. 457–466.

С. 62. ... Иван Степанович Якимов... — И. С. Якимов (1847–1885) — магистр богословия, профессор СПбДА по кафедре Св. Писания Ветхого Завета.

С. 63. Вы... ждете, что скажу же, наконец, ... и о престоловотой комиссии. — Имеется ввиду работа комиссии по подготовке нового устава Духовных Академий, принятого в 1884 г.

... это — наследие ... прот. И. В. Васильева — Протоиерей Иосиф Васильевич Васильев (1821 – 27 декабря 1881), автор магистр. диссертации об учении Римской церкви о главенстве папы, священник при посольской церкви в Париже. Издав переводы на франц. язык многих русских духовных писателей. В 1867 г. был назначен первым председателем учебного комитета при Св. Синоде.

Председатель — Сергей, архиеп. Казанский; представители академий: казанской: Dr. Th. Бердников (канонист), киевской — Dr. Th. В. Ф. /л. 23 Певницкий (гомилет), московской — Dr th. В. Д. Кудрявцев-Платонов (известный философ) и с.нб. — Dr th. И. Ф. Нильский. — Сергей (Ляпидевский) (1820–1898), архиеп. Казанский, с 1893 г. митроп. Московский и Коломенский.

Бердников Илья Степанович (1841–1914), доктор богословия, заслуженный ординарный профессор Казанской духовной академии и Казанского университета. С 1870 г. читал лекции по каноническому праву. Автор учебника по церковному праву, книги «О восприимчивости при крещении и о духовном родстве, как препятствии браку» Казань, 1892 и большого числа статей и рецензий в области канонического права.

Певницкий Василий Федорович (1831–1911) профессор Киевской Духовной Академии по кафедре гомилетики и истории проповедничества. Автор трудов о св. Ипполите, еп. римском, св. Григории Двоеслове, ряда работ по гомилетике.

Кудрявцев-Платонов Виктор Дмитриевич (1828–1892), профессор Московской духовной академии по кафедре истории философии. Ряд его статей посвящен вопросам позитивизма, материализма, дарвинизма, а также изложению его собственной философской системы — философии религии и теории познания.

О проф. И. Ф. Нильском см. выше.

Михаил Осипович готовит к печати часть своего курса.
— Коялович М. О. История русского самосознания по истории

ческим памятникам и научным сочинениям. СПб., 1884. Книга претерпела несколько переизданий, последнее (4-е) из которых вышло в Минске в 1997 г.

... я не посылаю Вам обещанного оттиска статьи своей...
— Имеется ввиду первая часть статьи В. В. Болотова «К истории внешнего состояния константинопольской церкви под игом турецким // Христ. чтение. 1882. Январь–февраль. С. 138–172 (вторая часть опубликована в книжке за сентябрь–октябрь. С. 353–384).

... она появилась после давно представленной статьи Михаила Осиповича (Хр. Чт. Янв.–февр.) — Коялович М. О. Новое орудие латинской пропаганды // Христ. чтение. 1882. Ч. I. С. 222–244.

С. 64. ... Передать Вашу статью ... я не считал возможным... — П[альмов И. С.] Заметки о положении церковных дел в австрийской Галиции // Церковный вестник. 1882. № 6. С. 8–10; № 7. С. 10–12.

Примечания

¹ Бриллиантов А. И. К характеристике ученой деятельности проф. В. В. Болотова, как церковного историка // Христ. чтение. 1901. Апрель. С. 467–497. Уже в первые годы после кончины В. В. Болотова появляется множество статей и очерков, посвященных его памяти: Венок на могилу в Бозе почившего ординарного профессора С.-Петербургской духовной академии, доктора церковной истории Василия Васильевича Болотова (1 янв. 1854 – 5 апр. 1900 гг.) СПб., 1900 (= Церковный вестник. 1900. № 16. С. 489–526); Рубцов М. Василий Васильевич Болотов (Биографический очерк). Тверь, 1900; Прот. Петр Белюстин. Из воспоминаний о детстве покойного профессора В. В. Болотова // Христианское чтение. 1900. Июль–декабрь. С. 278–297; Тураев Б.А. Васи-

лий Васильевич Болотов // Журнал Мин-ва Нар. просв. 1900. Ч. 330. Отд. 4. Октябрь. С. 81–101; Мелиоранский Б.М. В. В. Болотов: Некролог // Визант. Временник. 1900. Т.7. С. 614–620; Лебедев Д.А. Воспоминания о В. В. Болотове, профессоре Петербургской духовной академии, Тверь, 1901; Уберский И. А. Памяти профессора Василия Васильевича Болотова // Христ. чтение. 1903. Июнь. С. 821–849; Июль. С. 3–26; Сентябрь. С. 265–277; Октябрь. С. 399–406. А. И. Бриллиантов посвятил более 15 лет своей жизни осмыслению научного наследия своего учителя; он явился издателем большого числа статей Болотова на страницах «Христианского чтения» с 1901 по 1914 года, а также знаменитых «Лекций по истории древней церкви» Т. 1–4. СПб., 1907–1918. Перу Бриллиантова принадлежит и единственный серьезный опыт обзора научной биографии Болотова, посвященный 10-летию его кончины: Профессор Василий Васильевич Болотов: Биографический очерк // Христ. чтение. 1910. Апрель. С. 421–442; Май–июнь. С. 563–590; Июль–август. С. 830–854. В последние десять лет имя Болотова вновь появляется на страницах отечественных печатных изданий: Очерки по истории Санкт-Петербургской епархии. СПб., 1994. С. 209–210. Сосуд избранный: История Российских духовных школ / Сост. М. Складорова. СПб., 1994. С. 26–30. Недавно вышел в свет первый том собрания сочинений В. В. Болотова: В. В. Болотов. Собрание церковно-исторических трудов. Т.1. М., 1999, где переиздана его диссертация об Оригене и несколько студенческих работ.

² Письмо В. В. Болотова Д. А. Лебедеву от 15 февраля 1894 г. (ОР РНБ. Ф. 88. Оп. 2. Д. 28. Л. 61)

³ Неполный перечень опубликованных и неизданных на 1910-ый год писем см.: Бриллиантов А.И. Профессор Василий Васильевич Болотов. Биографический очерк. С. 852–854.

⁴ Пальмов И.С. (1856–1920) — выпускник СПбДА (1880 г.), 10.06.1881 г. защитил магистерскую диссертацию, в 1881–1884 гг. изучал историю славянских церквей в библиотеках и архивах Праги, Львова, Белграда, Вены, Константинополя, Афона, Пат-

моса, Бухареста. С 1885 г. преподавал историю славянских церквей в СПбДА. С 1887 г. профессор, с 1904 г. доктор церковной истории, с 1916 г. академик Имп. Ан.

⁵ И.П[альмов]. Последние дни и минуты жизни профессора Василия Васильевича Болотова // Венок на могилу... С. 27–30.

⁶ На одну минуту: «да нужен ли твой вопрос?» Искреннего (последовательного) западника я поздравляю с отречением от западного ваала, который, хотя и бы, не считает этого вопроса ненужным, — и с переселением в Москву с ее самобытной культурой. Славянофила я просто вталкиваю в Петербургский вавилон к западникам, возложив на него корону ренегатства от «глубокопрочувствованных» слов. Думаю, мой вопрос — камень Язона в стан славянофилов: или говори, что мы — люди темные, едим (и будем есть) пряники неписанные, — или иди во языки (прим. В. В. Болотова).

⁷ Ср. отчет И. С. Пальмова о заграничной командировке с 8 ноября по 1 августа 1882 г. // Протоколы заседаний Совета СПбДА за 1882/83 уч.год. С. 50–113; Взгляд И. Е. Троицкого на диссертацию Пальмова см.: Отзыв И. Е. Троицкого о соч. И. С. Пальмова «Гуситское движение. Вопрос о чаше в гуситском движении» // Там же за 1880/81 уч. год. С. 193–196 (заседание 19 мая).

⁸ Гильфердинг А.Ф. Гус. Его отношение к православной Церкви. СПб., 1871; 2е изд. СПб., 1893 (с предисл. и доп. прил. И. Пальмова); Новиков Е.П. Гус и Лютер. М., 1859; Бильбасов В.А. Чех Ян Гус из Гусинца. СПб., 1869. См. последующие статьи Пальмова и, в частности его работы по кирилло-мефодиевскому вопросу: Памятники Кирилло-Мефодиевской старины в Чехии и Моравии // Сборник статей по славяноведению, составленный и изданный учениками В. И. Ламанского по случаю 25-летия его ученой и профессорской деятельности. Спб., 1883. С. 41–56 и др. Идеи И. С. Пальмова нашли свое продолжение в работах некоторых чешских ученых послевоенных лет,

где, однако не ставится акцент на вероучительную и литургическую сторону вопроса. Посольству греков в Праге посвящена монография: Salac A/ Constantinople et Prague en 1452. (Pourparlers en vue d' une union des Eglises). Praha, 1958.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ

Санкт-Петербургская православная духовная академия Русской Православной Церкви – высшее учебное заведение, осуществляющее подготовку священнослужителей, преподавателей духовных учебных заведений, специалистов в области богословия, регентов церковных хоров и иконописцев.

На сайте академии
www.spbda.ru

- сведения о структуре и подразделениях академии;
- информация об учебном процессе и научной работе;
- события из жизни академии;
- сведения для абитуриентов.

Проект по созданию электронного архива журнала «Христианское чтение»

Руководитель проекта – ректор академии епископ Гатчинский **Амвросий** (Ермаков). Куратор – проректор по научно-богословской работе протоиерей Димитрий Юревич. В подготовке электронных вариантов номеров журнала принимают участие студенты академии. Материалы распространяются на компакт-дисках и размещаются на сайте журнала в формате pdf.

На сайте журнала «Христианское чтение»
www.spbpda.ru

- электронный архив номеров в свободном доступе;
- каталоги журнала по годам издания и по авторам;
- требования к рукописям, подаваемым в журнал.